

КУЛЬТУРА ТВЕРСКОГО КРАЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПОЭТ И. П. БОРОЗДНА И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

Б. М. Петров

Русское географическое общество РАН, Москва

Полузабытый поэт Иван Бороздна (1804–1858) был типичным провинциалом из Черниговского Стародубья. Он создал образцовое описание украинской провинции, успешно участвовал в создании одесского и крымского локальных текстов, сделал вклад в наполнение московского текста. Волею судеб он оказался лично связан с Тверским краем, с его людьми. В некоторых стихотворениях поэт дал абрис Тверского края с точки зрения путешественника по водам и их берегам. Скромный вклад Бороздны в тверской провинциальный текст помнят и чтут на родине поэта.

Ключевые слова: И. П. Бороздна, локальный текст, провинциальная Украина, Одесса, Крым, Москва, Тверской край, Вышневолоцкая водная система, дворяне Никифоровы.

Видный литературовед рубежа XIX—XX вв. С. А. Венгеров определил Ивана Петровича Бороздну (1804–1858) как «поэта на религиозные темы» [14, с. 327]. В словарной статье «Нового энциклопедического словаря», раздел «Литература» которого редактировал Венгеров, Бороздна вообще назван «незначительным поэтом пушкинской эпохи» [11, с. 640–641]. Перворазрядным поэтом Бороздна, действительно, не был, однако его творчество не исчерпывается религиозной темой и далеко выходит за рамки пушкинской эпохи. О кончине Бороздны в свое время сообщили российские календари [9, с. 317], но на десятилетия (с 1902 по 1980 г.) он исчез из литературы и филологической науки. Сейчас он постепенно в нее возвращается.

Иван Бороздна происходил из элиты исторической провинции Стародубье (по современному административному делению — Западная Брянщина), в которой сливались потоки русских, украинских и белорусских насельников. Его отец, Петр

Иванович, — предводитель дворянства недолго просуществовавшего Новгород-Северского наместничества. Свою родовую усадьбу село Медведово он превратил в видный провинциальный культурный центр. Помимо сыновей Петра Ивановича, из школы при усадебной церкви этого села вышел известный русский ученый, профессор права В. Н. Лешков (1810–1881). Именно в Медведове некоторое время скрывался от правосудия (вероятно, обманув хозяев) магистр Московского университета эльзасец В. Ф. Виллерс, принявший на себя должность полицмейстера Москвы при занятии ее Наполеоном.

Сыновья П. И. Бороздны получили образование в пансионах при Московском университете. Старший из них, Василий, — участник посольства А. П. Ермолова ко двору шаха персидского, о чем он издал книгу, пользующуюся спросом до сих пор [12]. Во время службы в Петербурге по Министерству финансов Василий сблизился с И. А. Гончаровым, который ввел его в кружок Майковых. Некоторые личные черты Василия Бороздны вошли в синтетический образ Ильи Ильича Обломова. Младший из братьев, Николай, — черниговский губернский предводитель, потом смоленский губернатор, заметный деятель крестьянской реформы 1861 г., активнейший меценат, избранный почетным гражданином целого ряда городов.

Иван Петрович, средний из братьев Борозден, учился в Московском благородном пансионе, где начал писать стихи, обратившие на себя внимание профессора и поэта А. Ф. Мерзлякова. Активно сотрудничал в столичных журналах и альманахах, издал четыре поэтических книги: «Опыты в стихах» (1828), «Лира» (1834), «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» (1837) и «Лучи и тени» (1847). Последние его публикации относятся к середине 1850-х гг.

Начинал Бороздна как переводчик и в этой области достиг многого. Он переводил французские элегии XVIII–XIX вв., при этом многие его переводы часто единственные в русской литературе или считаются основными [24]. В. Э. Вацуро и В. А. Мильчина назвали Бороздну «типичным элегиком» [13, с. 592; 26]. Бороздна известен также переводами из античной поэзии, из Оссиана, Т. Мура, А. Каннингема, С. Геснера и других западных авторов. Высшим достижением Бороздны явилась большая путевая описательная поэма «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» (1837), построенная в виде 12 писем к графу В. П. Завадовскому, спутнику поэта по путешествию на юг России по обозначенному в заглавии маршруту в 1834 г. [3]. В поэтическое описание путевых наблюдений вставлены три «малых» поэмы, как бы представляющих предания, услышанные путешественником.

Иван Бороздна занимает заслуженное место среди авторов русских поэтических молитв [10]. Он — один из шести дореволюционных русских поэтов, совершивших стихотворное переложение Псалтири. Его увлечение духовной лирикой нарастало постепенно, видимо не без влияния Ф. Н. Глинки, с которым он был дружен. Бороздна создал также ряд философских стихотворений, последние из ко-

торых датированы 1854 г. Бороздна писал и прозу, часть которой еще ждет своего публикатора.

Творческое наследие Ивана Бороздны вписывается в несколько локальных текстов. По рождению и проведению в родовой деревне большей части своей жизни он был селянином, провинциалом. В усадьбе, где написано большинство его произведений, он собрал библиотеку в 6 000 томов, заменявшую ему живое общение с литераторами. Вроде бы закономерно биограф отмечает у нашего поэта «комплекс литературного провинциала» [18]. (Возможно, что за провинциализм принимали черту характера — скромность, скованность, робость, проявлявшиеся и у Василия Бороздны.) Несмотря на это, образ деревни, родного края, «стародубский провинциальный текст» Бороздны довольно скромнен. Поэт был нацелен на иные, более крупные темы. Если он и вспоминает родные места, например в путевой поэме, то обычно противопоставляя их другим краям, которые кажутся ему интереснее, особенно южные (иное дело, что в описаниях этих южных местностей у него невольно проглядывают приметы Стародубья) [25]. Лишь оригинальное поэтическое переложение семейного предания Петровских времен (стихотворение «Нищий»), ода родной речке («Титва») и отдельные упоминания местных топонимов в других произведениях относятся непосредственно к Стародубью.

В своей путевой поэме на примере Полтавщины (как считалось, «самой украинской» губернии Украины) Бороздна создал образцовый украинский провинциальный текст (на русском языке). Полтавщине посвящены четыре первых главы поэмы — 69 страниц, или четверть всей книги, которые вполне могли быть изданы отдельной поэмой. В этих главах — почти всё об уездной Украине: природа в различные ее сезоны и состояния, села, их жители, их работы и развлечения, украинские песни, думы бандуристов, суеверные народные рассказы, уездная знать на балу и на ярмарке, уездный город, его старинный монастырь, колоритное украинское мещанство, мазанки сельских обывателей и усадьбы вельможной знати, граф-земледелец и известный в столицах поэт-помещик, причем все это дано во временной перспективе. Мы полагаем, что любовное описание Новороссии Иваном Бороздною может быть названо «энциклопедией украинской жизни» 1830-х гг. [27]

В поэме присутствуют также одесский и крымский локальные тексты, за что его помнят и ценят в этих краях. В XIX в. об Одессе писали всего семь поэтов, в том числе Бороздна и Пушкин, бывший кумиром Бороздны. К одесскому локальному тексту Бороздны относятся две главы поэмы, посвященные этому уникальному городу [17]. Вторичность топики его одесских текстов по отношению к Пушкину заметна, но Бороздну ценят сейчас не за совпадения, а за отличия, а они тоже имеются, особенно в описании одесских типов или, например, в оценке деятельности графа М. С. Воронцова в Малороссии, по понятной причине оказавшейся не вполне объективной у Пушкина.

Крымский текст занимает больше трети путевой поэмы — часть 7-й и 8—12-ю главы. Отмечаемую некоторыми исследователями вторичность крымского тек-

ста Бороздны по отношению к Пушкину [21; 29, с. 80–84] не следует преувеличивать: замечание относится к локальному бахчисарайскому тексту, составляющему небольшую часть крымского. К тому же отголоски «Бахчисарайского фонтана» обнаруживаются не исподволь, а в открытой переключке с Пушкиным. В 11-ю и 12-ю главы вставлена самая крупная из малых поэм, романтическая «восточная» поэма «Мирза и арнаут», также посвященная Тавриде. В ней Бороздне удалось создать поэтический образ трехтысячелетней истории Тавриды [23]. Крымский текст Бороздны давно вошел в крымскую антологию [16].

Причастен Бороздна и к созданию столичного, московского текста. Он учился в Москве, жил в ней и даже одно время обзавелся там собственным домом (видимо, по настоянию своей второй жены — москвички, ученицы В. А. Тропинина), публиковался (22 публикации в московских журналах в двадцатилетии 1823—1843 гг.). Он был принят в ОЛРС (1829), вхож в московские салоны, в т. ч. в знаменитый салон Зинаиды Волконской. (Бороздна — один из «вкладчиков» альманаха «Эрато», преподнесенного Волконской друзьями в связи с ее отъездом из России.) О Москве им написан ряд прочувствованных стихотворений. Они немногочисленны, но относятся к лучшим его произведениям. Протоиерей Валентин Дронов отнес Бороздну к числу лучших духовных поэтов, связанных с Москвою [15].

А вот отношения Бороздны с северной столицей оказались иными. В двадцатилетии 1823—1843 гг. в петербургских журналах им опубликовано 26 произведений. Бороздну поддерживал петербуржец А. Ф. Воейков, в изданиях которого он публиковался. Бороздна приезжал в Петербург, «отметился» несколькими стихотворениями в журнале Майковых «Подснежник» и даже принимается некоторыми исследователями за друга этой семьи [1]. Однако «столичным поэтом» Бороздна явно не стал. Публикации в петербургских журналах, в том числе в «Подснежнике», тематически с Петербургом не связаны. Другом Майковых Бороздну считают, видимо, ошибочно, путая его с братом Василием, также пописывавшим любительские стихи. Связь Ивана Бороздны с Воейковым объясняется тем, что близким сотрудником этого литературного деятеля был соученик Ивана Петровича по пансиону третьеразрядный поэт А. Н. Глебов. Лишь в стихотворении «Весенняя гостья» (1833?) вдруг мелькает некая «Невы красавица младая», покинувшая «блеск Двора» и снизошедшая к юношам, как к поэтам сходит «дева песнопенья». Творческая история стихотворения неизвестна; очевидно, оно обращено к соученику, служившему в Петербурге.

Казалось бы, Тверской край и Стародубье ничто не связывает, но жизнь всегда разнообразней наших предположений. Иван Бороздна оказался причастен и к созданию тверского провинциального текста. Правда, при его исследовании без предположений нам не обойтись: архив Бороздны сторел в первую российскую революцию, а письменные свидетельства о поэте других авторов малочисленны.

Мы можем лишь предполагать, где встретились богатый московский пансионер из Стародубья Иван Бороздна и бесприданница Наденька Никифорова из тверского Нового Села. Новое Село (ныне умирающая деревенька) находилось в Холохоленской волости Вышневолоцкого уезда, в 5–6 верстах от с. Колокольня, стоящего в ста верстах от Медного на старинном отрезке петербургского тракта, шедшего когда-то берегом Тверцы. В полутора верстах от Нового Села расположено с. Афимьино, издавна принадлежавшее состоятельным тверским дворянам Тыртовым. В начале XIX в. Новое Село перешло к коллежскому асессору Льву Егоровичу Никифорову как приданое за женою Матреной Ивановной, урожденной Тыртовой. Наденька Бороздна, родившаяся 10 июня 1809 г. в Новом Селе, — их дочь [22]. Известно, что у Нади был брат. Возможно, он учился вместе с Иваном Бороздною, и Надя навестила его в Москве. Взаимная любовь вспыхнула с первого взгляда. Иван даже хотел бросить пансион, до окончания которого оставалось несколько месяцев, чтобы немедленно жениться (первым из трех братьев Борозден).

Но возможен и иной, хотя и близкий, ход случая. У Бороздны есть стихотворение 1822 г. «К Т-ву», начинающееся словами «Товарищ, друг!..» За этим сокращением может стоять Т[ырто]в — какой-то родственник Наденьки Никифоровой со стороны матери, возможно, тоже пансионер. В стихотворении юный поэт теоретизирует на любовные темы, старается выглядеть старше («И я, неверною красавицей плененный, / Ей тайный вздох, ей слезы посвящал»), говорит об условной «Алине», как до этого писал о «Нине».

В 1827 г. Бороздна опубликовал ранее написанное в Москве стихотворение «К Надине», датированное 5 декабря 1822 г. [5]¹ В нем впервые мелькает подлинное имя тверской красавицы и звучит мотив разлуки («Разлуки скорбный час раздался, / И вечной жертвой я остался / Амура хитрого сетей»).

Разлука длилась полгода. Наступили каникулы, и в августе 1823 г. поэт отправился на родину Наденьки свататься. 31 августа на почтовой станции Медное в Тверской губернии Бороздна пишет стихотворение «Утешение» [8]. Уверенный во взаимности «милого друга», он утешает ее близостью свидания: «Сотня верст, и я с тобой!» Образ Тверского края здесь обозначен как Приволжье:

От берегов Десны родимой,
Страстью пламенной томимый,
К волжским я лечу берегам.

Иван гостевал в Новом Селе и Афимьино около месяца. Сделал предложение и был обручен с Наденькой, которой едва пошел пятнадцатый год. Его это не смущало (старшую сестру поэта Ульяну выдали замуж в таком же возрасте), родителей Наденьки — тем более: такие богатые женихи встречаются редко. Дом Тыртовых и усадебная церковь в Афимьино, в которой, видимо, и произошло обручение, ещё сохраняются в руинированном состоянии. Где, кроме уездного Вышнего Волочка, успел побывать за этот месяц Бороздна, неизвестно.

Заканчивался сентябрь, пора было возвращаться в Стародубье. 27 сентября Иван пишет Надине большое прощальное стихотворение «К Н***» [4].² В нем впервые у него появляется образ Тверского края, осмысленный через Вышневолоцкую водную систему, водный путь и его берега:

Забуду ли священные места,
Где обручен, прекрасная, с тобою
И где твоя младая красота
Взлелеяна под кровлею родною?!
Забуду ль вас, о светлые берега,
Столь Нептуна обильные дарами,
Где Волга, Цна, Тверца и Мста водами
Животворят и доли и луга?!
Там, распустив свой парус окриленной,
Пловцы летят к далеким берегам;
Для них ничто свист бури разъяренной,
Знаком им путь и по самим скалам!

В последней строке, как пояснил сам Бороздна, имеется в виду преодоление Боровицких порогов.

Достоин примечания эпиграф рассматриваемого стихотворения: “*Le seul Amour monta ma lyre*” («Только любовь возвышает мою лиру»), взятый из практически неизвестного у нас англоязычного поэта и прозаика Аллана Каннингема (1784–1842). Каннингем принадлежал к «школе крестьянских поэтов» Шотландии. С 1810 г. занимался литературной работой в Лондоне. Писал поэмы, баллады, интимную лирику, создал несколько романов. Издатель Р. Бернса [19; 20, с. 92]. Художественные произведения Каннингема в России не переводились. Бороздна перевел с промежуточного французского перевода два его стихотворения, в том числе «Трубадур» с пометой «С. Медведов, 20 октября 1823 г.» [7].³ Очевидно, он ездил в Новое Село с томиком стихов Каннингема и, возможно, начал там этот перевод.

Большая элегия «Мое убежище» написано Бороздною в 1823 г., имеет эпиграф из Парни, которого он переводил в это время, что и отразилось в духе этого стихотворения. В нем присутствуют приметы Медведовской усадьбы поэта, который призывает в родной край Камены:

Пусть лира стройная бряцаньем веселит
Мои леса, луга, и горы и долины,
Пусть имя милое Надины
Она всечасно им звучит!

У могил родителей он клянется не изменить назначенной ему небесами подруге.

Где и когда обвенчались влюбленные, когда Надина переехала в Медведово, узнать не удалось. Из стихов Бороздны известно, что юная невеста прибыла в усадьбу мужа с теткой Татьяной Ивановной Тыртовой, которая должна была помочь ей привыкнуть к новой жизни [6]. К сожалению, долгой жизни не получилось: детей у них не было, а через шесть лет, 17 февраля 1830 г., в неполные двадцать один Наденька умерла. Похоронили ее в Медведове. Вдовец заказал гранитный памятник и сочинил для него стихотворную эпитафию [2, с. 16]. В нескольких других элегических стихотворениях он нежно вспоминал тверскую красавицу. Своей второй жене Бороздна не посвятил ни одного стихотворения.

В советское время некрополь Борозден был разрушен, могилы вскрыты. Восстановить мемориал удалось лишь в 2002 г. При его освящении на место захоронения Надины была высыпана щепотка земли из Нового Села. Композитор А. М. Карасик написал романс на поминальные стихи Ивана Бороздны «Храни меня!» [2, с. 50–51] На основе материалов наших разысканий поэт В. И. Селезнев в 2005 г. создал поэму «Наденька» [28].

Связи стародубского поэта Ивана Бороздны с Тверским краем возникли на личной, интимной основе. Его вклад в тверской провинциальный текст невелик, но это — вклад собственной судьбы, и он не может быть забыт. От поэта Бороздны, от его литературных связей тянется ниточка к тверитянину, брату Наденьки Никифоровой, который — пока, правда, только по предположению — тоже был не чужд поэзии. Другой отдельной темой являются личные и творческие связи Ивана Бороздны и Федора Глинки, заложенные еще в Москве. Нося краевой характер, подобные межрегиональные связи в то же время являются ветвями могучего древа русской национальной литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позже стихотворение перерабатывалось и датировалось 1823 г.

² При первой публикации в название стихотворения вкралась опечатка: «К И.....»

³ В сборнике «Опыты в стихах» перевод получил «говорящее» название «Прощание трубадура».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 367 с.
2. *Бороздна И. П.* Лира. М.: тип. А. Семена, 1834. 81 с.
3. *Бороздна И. П.* Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. М.: тип. С. Селивановского, 1837. 247 с.
4. *Бороздна И. П.* К И..... // Литературные листки. 1824. №13–14. С. 30–33.
5. *Бороздна И. П.* К Надине // Славянин. 1827. №21. С. 299–301.
6. *Бороздна И. П.* Т. И. Т-вой // Московский вестник. 1830. №9. С. 5–7.
7. *Бороздна И. П.* Трубадур // Вестник Европы. 1824. №14.
8. *Бороздна И. П.* Утешение // Вестник Европы. 1824. №17. С.47–48.

9. Бороздна Иван Петрович: Некрологи 1858 года // Месяцеслов на 1860, високосный, год. СПб., 1860. С. 317.
10. *Бороздна И. П.* // Молитвы русских поэтов: XI–XIX: антология / сост. В. И. Калугин. М.: Вече, 2010. 799 с.
11. Бороздна И. П. // Новый энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон / под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 7. Стб. 640–641.
12. *Бороздна В. П.* Краткое описание путешествия Российско-Императорского посольства в Персию в 1817 году. СПб.: Имп. АН, 1821. 270 с.
13. *Вацуро В. Э., Мильчина В. А.* Бороздна И. П. // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 592.
14. *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб.: Имп. АН, 1900. Т. 1. 825 с.
15. *Дронов В.* Где реют глубы в горячей синеве // Москвы наследие святое: Москва православная в русской поэзии / сост. Б. Н. Романов. М.: Ключ, 1997. С. 3–12.
16. Иван Бороздна // Крым в русской поэзии / сост. А. Маркевич. Симферополь, 1902 (2-е изд.). 272 с.
17. Иван Бороздна // Одесса в русской поэзии / сост. А. М. Рапопорт. М., 2009. С. 15–24.
18. *Ильин-Томич А. А.* Бороздна И. П. // Русские писатели: 1800–1917. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 317–318.
19. Каннингем // Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Ком. Акад., 1931. Т. 5. Стб. 78.
20. *Ланн Е.* Литературная мистификация. М.-Л.: Госиздат, 1930. 232 с.
21. *Маленко А. Ю.* «Под древним кровом Хан-сарая...» // Маленко А. Ю. «Пишу, читаю..., думаю о Крыме»: Крым в жизни и творчестве А.С.Пушкина и его современников. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. С.188–199.
22. *Новожилова Е. В.* «Забуду ли священные места, где обручен, прекрасная с тобою...» // Тверская жизнь. 2004. 17 июля. С. 4.
23. *Петров Б. М.* «Восточная поэма» Ивана Бороздны // Мир романтизма. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. Т. 16 (40). С. 134–141.
24. *Петров Б. М.* Иван Бороздна — переводчик // Бороздна И.П. «В часы вечерней тишины...». Клинцы, 2010. С. 8–49.
25. *Петров Б. М.* Малороссийские предания Ивана Бороздны // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: мат-ли Бердянської сесії (24 вересня 2012 р.). Бердянськ, 2012. Ч. IV. С. 215–219.
26. *Петров Б. М.* Поэт-элегик Иван Бороздна // Мир романтизма. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Т. 15 (39). С. 155–163.
27. *Петров Б. М.* «Энциклопедия украинской жизни» 1830-х гг. Ивана Бороздны // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: мат-ли Криворізької сесії (24 листопада 2012 р.). Кривий Ріг, 2013. Ч. I. С. 138–141.
28. *Селезнев В. И.* Наденька // Селезнев В.И. Предзимье. Клинцы, 2008. С. 19–46.
29. *Строганов М. В.* «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (и не только Пушкин) // Крымский текст в русской литературе: материалы междунар. науч. конф. СПб., 4–6 сентября 2006 г. СПб.: ИРЛИ, 2008. С. 80–84.